

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА
SECTION I. THEORY OF LANGUAGE**

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-4-0-1

Гецов А.

Об одном типе (не)обособленной аппозиции

Велико-Тырновский университет им. Святых Кирилла и Мефодия,
Т. Тырновский 2, 5003 Велико-Тырново, Болгария
E-mail: anton_getsov@abv.bg
ORCID iD: 0000-0003-4384-664X

Статья поступила 08 сентября 2021г.; принята 13 декабря 2021г.;
опубликована 30 декабря 2021г.

Аннотация. Предметом настоящей статьи являются возможные трансформации порядка слов в одной из базовых аппозитивных конструкций, образованной по модели *имя существительное нарицательное + имя существительное собственное*. Они описываются, хотя фрагментарно, в большинстве синтетических трудов по болгарскому синтаксису, но интерпретируются амбивалентно, притом не только в болгарской лингвистической литературе. Внимание фокусируется в первую очередь на перестановке порядка слов в конструкциях, в которых посредством существительного нарицательного обозначается должность, профессия, специальность, национальная, политическая или религиозная принадлежность, возрастная характеристика, родственное или другие межличностные отношения, например: *главният секретар Георгиев, чистачката Ваня, филологът Петров, аржентинецът Лео Меси, републиканецът Ейбръхам Линкълн, евангелистът Йоан, дядо Щукар, братовчедът Георги, съседите Мишеви, колегата Жоро* и др. При анализе учитывается как роль категории *детерминации*, так и возможность (и необходимость) обособить или не обособить постпозитивное существительное нарицательное. Кроме того, приоритетным применением логического подхода делается попытка установить направление грамматической и логико-семантической зависимости в разновидностях указанной конструкции. Своеобразная инверсия в рамках анализируемой конструкции реализуется посредством двух вариантов: 1) существительное нарицательное обособляется; 2) существительное нарицательное не обособляется. Каждый из этих вариантов имеет две разновидности – в первой существительное нарицательное употребляется с нулевым артиклем; во второй существительное нарицательное употребляется с определенным артиклем. Это означает, что существует шесть теоретически возможных разновидностей рассматриваемой конструкции. Их анализ вызывает множество вопросов, чьи ответы оптимизировали бы как объективную и корректную интерпретацию синтактико-семантического отношения между компонентами аппозитивной конструкции, так и корректное и однозначное определение их синтаксического статуса.

Ключевые слова: Аппозиция; Аппозитивная конструкция; Обособленные члены; Обособленная аппозиция; Необособленная аппозиция

Информация для цитирования: Гецов А. Об одном типе (не)обособленной аппозиции // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т.7, N4. С. 3-22. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-4-0-1

DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-4-0-1

Anton Getsov

On a type of (non-)detached appositive

St Cyril and St Methodius University of Veliko Tarnovo

2 T. Turnovskiy St., 5003 Veliko Tarnovo, Bulgaria

E-mail: anton_getsov@abv.bg

ORCID iD: 0000-0003-4384-664X

Received 08 September 2021; accepted 13 December 2021; published 30 December 2021

Abstract. This paper examines the possible word-order transformations of one of the prototypical appositional constructions, following the pattern *common noun + proper noun*. These constructions have been described, although fragmentarily, in most synthetic works on Bulgarian syntax, but they have been interpreted ambivalently, also in studies beyond the Bulgarian linguistic literature. The paper focuses primarily on word-order variations in constructions in which the noun designates a position, profession, academic field, nationality, political or religious affiliation, age, kinship or other interpersonal relation; for instance, *главният секретар Георгиев, чистачката Ваня, филологът Петров, аржентинецът Лео Меси, републиканецът Ейбръхам Линкълн, евангелистът Йоан, дядо Щукар, братовчедът Георги, съседите Мишеви, колегата Жоро*, etc. The analysis takes into consideration the role of the category *determination*, as well as the possibility (and the need) of the noun in post-position to be marked or not to be marked by comma-intonation (as a detached or non-detached appositive). Furthermore, the logical approach has been emphasized in this study aiming to determine the direction of the grammatical and logical-semantic dependence in the variants of the analyzed construction. The specific inversion within the analysed construction is realized by means of two variants: 1) the noun is marked by comma-intonation; 2) the noun is not marked by comma-intonation. Each of these variants has two sub-types – in the first sub-type, the noun is used with a zero article; in the second sub-type, the noun has a definite article. This means that there are six theoretically possible variants of the analysed construction. Their analysis raises many questions and their answers would contribute to the objective and accurate interpretation of the syntactic-semantic relation between the components of the appositional construction, as well as the correct and unambiguous determination of their syntactic status.

Keywords: Appositive; Appositional construction; Detached parts; Detached appositive; Non-detached appositive

How to cite: Getsov A. (2021). On a type of (non-)detached appositive. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.7 (4), 3-22, DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-4-0-1

Введение

Словосочетания в современном болгарском языке, содержащие необособленное приложение (необособленную аппозицию) можно сгруппировать в три структурных типа: 1) имя существительное нарицательное + имя существительное нарицательное, напр.: *политологът острие, художник карикатурист, предци емигранти, биячите провокатори, дрон камикадзе*; 2) имя существительное нарицательное + имя существительное собственное, напр.: *прозвището Чудомир, романът «Голите и мъртвите», връх Ботев, генерал Заимов, доцент Петров, колегата Галов, вуйчо Ваньо*; 3) имя существительное собственное + имя существительное собственное, напр.: *Румен Димитров – Попа, Никола Савов Хаджишлиев – Пиколо, Природо-математическа гимназия «Васил Друмев», Национална спортна академия «Васил Левски».*

В некоторых из конструкций, образованных по второй модели, в которых посредством существительного нарицательного чаще всего обозначается должность, профессия, специальность, национальная, политическая или религиозная принадлежность, возрастная характеристика, родственное или другие межличностные отношения, напр.: *инспектор Стрезов, касиерката Благоева, заварчика Пешо, художника Стоян Венев, българката Станка Златева, демократът Желю Желев, католичката Мери, студентът Васил, мома Гергана, съседите Петрови, колегата Стоев*, возможно изменение порядка слов. В результате такой синтаксической перестановки два имени существительных меняются местами – существительное нарицательное располагается после существительного собственного: *Стрезов(.) инспектор; Благоева(.) касиерката; Пешо(.) заварчика; Стоян Венев(.) художника; Станка Златева(.) българката; Желю Желев(.) демократът; Мери(.) католичката; Васил(.) студентът; Гергана(.) мома;*

Петрови(.) съседите; Стоев(.) колегата (Запятые, заключенные в скобки, означают, что применение знаков препинания зависит от авторовой интенции, с учетом специфики литературной нормы.)

Своеобразная инверсия в рамках конструкции практически реализуется двумя способами: существительное нарицательное обособляется, напр: *Стоян Венев, художника*; существительное нарицательное не обособляется, напр: *Стоян Венев художника*. Каждый из вариантов имеет две разновидности: в первой существительное нарицательное употребляется с нулевым артиклем; во второй существительное нарицательное употребляется с определенным артиклем. Следовательно, теоретически возможных вариантов указанной конструкции – три; каждый из них реализуется посредством двух своих разновидностей:

(1) Имя существительное нарицательное + имя существительное собственное.

(1а) Имя существительное нарицательное с нулевым артиклем + имя существительное собственное, напр.: *инспектор Стрезов; касиерка Благоева; заварчик Пешо*.

(1б) Имя существительное нарицательное с определенным артиклем + имя существительное собственное, напр.: *инспекторът Стрезов; касиерката Благоева; заварчикът Пешо*.

(2) Имя существительное собственное + имя существительное нарицательное с нулевым артиклем.

(2а) Имя существительное собственное + необособленное имя существительное нарицательное с нулевым артиклем, напр.: *Стрезов инспектор; Благоева касиерка; Пешо заварчик*.

(2б) Имя существительное собственное + обособленное имя существительное нарицательное с нулевым артиклем, напр.: *Стрезов, инспектор; Благоева, касиерка; Пешо, заварчик*.

(3) Имя существительное собственное + имя существительное нарицательное с определенным артиклем.

(3а) Имя существительное собственное + необособленное имя существительное нарицательное с определенным артиклем, напр.: *Стрезов инспекторът*; *Благоева касиерката*; *Пешо заварчикът*.

(3б) Имя существительное собственное + обособленное имя существительное нарицательное с определенным артиклем, напр.: *Стрезов, инспекторът*; *Благоева, касиерката*; *Пешо, заварчикът*.

Условия и обстоятельства, при которых осуществляются эти трансформации, как и их последствия – в связи с синтаксическим статусом обоих имен существительных – все еще не привлекли внимание болгарских лингвистов. Отсутствие специального исследования, предметом которого являлась бы перестановка порядка слов в рамках аппозитивной конструкции, особенно в связи с категорией *детерминации*, весьма осязательно при неизбежной и важной дифференциации конструкций с необособленной аппозицией и конструкций с обособленной аппозицией.

Несмотря на то, что в рамках разных концепций, мнений и исследований эта проблема рассматривается фрагментарно, поверхностно, частично, способы, по которым синтаксическая перестановка в аппозитивной конструкции интерпретируется лингвистами-болгаристами находятся в широком диапазоне. Представленные выше шесть разновидностей рассматриваемой конструкции провоцируют вопросы, ответы на которые ни легкие, ни однозначные, а и вряд ли могут быть единственно правильными. Их своевременное и приемлемое решение однако способствовало бы объективной и корректной интерпретации синтаксико-семантического отношения между

компонентами аппозитивной конструкции и определению их синтаксического статуса.

Исследовательская часть

Приложение (аппозиция) vs. обособление

Первый вопрос касается разграничения синтаксических категорий *приложения (аппозиции)* и *обособления*. В сущности корень дальнейших трудностей, сомнений и противоречий можно искать в истории пониманий этих явлений в болгарских грамматиках, для которых по традиции, установленной еще с появления *Синтаксиса болгарского языка* (1888) Атанаса Илиева, характерно смешивание этих двух синтаксических категорий.

Эмблематичный пример, иллюстрирующий воспринятое в конце XIX века статус-кво, – это толкование двух указанных категорий Александром Теодоровым-Баланом. Выдающийся лингвист утверждает, что в словосочетаниях *слугинята Рада* и *Рада слугинята*, как и в *ратаят Силян* и *Силян ратаят*, которые, по его мнению, тождественны, имена существительные нарицательные функционируют как определения, а существительные собственные – как определяемые. В словосочетаниях *Рада, слугинята*, и *Силян, ратаят* по словам А. Теодорова-Балана имена нарицательные функционируют как приложения (Теодоров-Балан, 1940: 432). В связи с предметом настоящего исследования два пункта в указанной трактовке обращают на себя внимание. Первый состоит в том, что автор пишет о тождественности двух вариантов порядка слов. Об этом пойдет речь далее в настоящем изложении. Второй заключается в том, что он отмечает, хотя имплицитно, явную корреляцию между синтаксическими функциями и категорией *обособления*. По его мнению, необособленные существительные нарицательные в примерах *Рада слугинята* и *Силян ратаят* являются определениями; однако если их обособить, они становятся приложениями. Несмотря на то, что эта

трактовка неприемлема с современной точки зрения, нельзя не признать, что в ней глубокая внутренняя логика.

Примеры, подобные проанализированным А. Теодоровым-Баланом, обнаруживаются также в грамматиках А. Илиева (Илиев, 1888: 7); Манола Иванова (Иванов, 1905: 34); Петра Калканджиева (Калканджиев, 1938: 365–367); Николы Костова (Костов, 1939: 207); Димитра Попова (Попов, 1942: 184); Любомира Андрейчина (Андрейчин, 1942: 478); Л. Андрейчина, Минко Иванова и Константина Попова (Андрейчин и др., 1957: 256). В них (за исключением последних двух учебников) постпозитивные существительные нарицательные пунктуационно выделены, т. е. обособлены, и определяются как приложения, а препозитивным существительным нарицательным в конструкциях с необособленным приложением типа: *мома Драгана* (А. Илиев); *река Тимок* (Н. Костов); *цар Симеон* (А. Теодоров-Балан); *отец Паусий* (Д. Попов), приписывается синтаксическая функция определения.

П. Калканджиев предлагает различную и довольно интересную трактовку. Он считает, что имеются имена существительные в именительном падеже, которые сокращают целые обстоятельственные предложения и поэтому они обладают большой сказуемой силой; они отвечают на вопрос *Когда?*, относятся больше к глаголу и обозначают обстоятельство времени, при этом их нельзя удалить из предложения без ущерба для его точного смысла. Автор определяет их как беспредложные обстоятельственные дополнения, а не как приложения, напр. *Катон старец* (= когда он был стариком) *науци гръци език*; *Езон роб* (= когда он был рабом) *написа своите прочути басни*. Эти имена могут принимать пояснения к себе, но они никогда не употребляются с артиклем. Если поставить артикль, они становятся обыкновенным простым предложением, напр.: *Катон, старецът*, (или *белобрадият старец*) – приложение;

Катон старец (или *старец белобрад*) – обстоятельное дополнение. Из данных примеров видно, что этот вид обстоятельственных дополнений являлись сказуемыми определениями в сокращенных при их помощи обстоятельственных предложениях. Далее автор говорит также о приложениях-причастиях, которые близки к сказуемому определению. Здесь, очевидно, т. наз. обстоятельственные дополнения смешиваются с обособленными сказуемыми определениями, напр.: *Той мина край нас замислен и вдълбочен* и *Замислен и вдълбочен, той мина край нас*. В конце П. Калканджиев заключает, что «у приложении (в приведенных выше примерах), когда оно в именительном падеже, существует стремление расположиться рядом с определяемым словом на равных началах и даже, если на него упадет сила произношения, затемнить определяемое слово полностью и принять его функцию в предложении» (Калканджиев, 1938: 367–368). Эта идея в большой степени перекликается с концепцией Александра Пешковского о роли лабильной (или отсутствующей) грамматической связи между однопадежными именами существительными при «метатезе» их синтаксических функций (Пешковский, 1914: 274).

Вопрос о разграничении двух синтаксических категорий – *обособления* и *приложения*, который по понятным причинам и вероятно неизбежно оказался «камнем преткновения» для болгарских языковедов в продолжение почти полувека, окончательно решен еще в 40-ых годах XX века с появлением *Основной болгарской грамматики* Л. Андрейчина.

Необособленное приложение vs. обособленное приложение

Второй вопрос связан с отчетливой и ясной дифференциацией необособленных второстепенных членов предложения от их обособленных коррелятов, между которыми существует грамматическая синонимия, и, в частности, – с

разграничением необособленного и обособленного приложений. В *Грамматике современного болгарского литературного языка, том 3, Синтаксис*, в разделе *Обособленные члены*, Елена Георгиева приводит пример *Ненчо, раздавачът, върви бавно и стъпва тежко с големите си подковани обувки* (А. Каменова), чтобы проиллюстрировать обособленные приложения с ослабленной предикативностью, названные ей уточняющими. Автор утверждает, что «в этом примере ничего не меняется, если перейти к препозитивному необособленному приложению: *Раздавачът Ненчо върви бавно...*» (ГСБКЕ, 1983: 234). отождествление двух указанных синтаксических конструкций вызывает вопросы, поскольку чуть выше по тексту Е. Георгиева ясным и категорическим образом указывает: «В отличие от обыкновенных приложений, которые называют известную особенность как присущую, как данность, при обособленных приложениях соотношение иное: оно выступает, чтобы назвать, пояснить иным образом, дать дополнительные сведения, уточнить признаковые особенности» (ГСБКЕ, 1983: 233).

В основном это утверждение в согласии как с оригинальными идеями А. Пешковского (Пешковский, 2001: 412–436), кто еще век назад легитимирует обособление как синтаксическое явление, имеющее свои специфические особенности, так и с обогащением и надстраиванием его концепций со стороны его последователей. А. Пешковский уделяет специальное внимание порядку слов приложений, тесно связывая его с возможностью или с необходимостью в обособлении. Рассматривая примеры: *Был по какому-то делу он в Амстердаме, голландском городе* и *Был по какому-то делу он в голландском городе Амстердаме*, он считает, что: «во втором примере (наблюдается прямой порядок слов) обособление либо вообще невозможно,

либо, если оно возможно, не необходимо; а в первом примере (наблюдается обратный порядок слов) обособление всегда возможно и во многих случаях – необходимо» (Пешковский, 2001: 422). Позже эта идея умело и успешно использована Лидией Чесноковой, которая предпочитает называть слабые и сильные синтаксические связи первичными и вторичными синтаксическими связями, а позже – первичными и вторичными синтаксическими функциями. Согласно ее мнению «Необособленное приложение выполняет вторичную для имени существительного синтаксическую функцию, поскольку в нем категориальное значение (предметность) не совпадает с синтаксическим значением (признаковостью)» (Чеснокова, 1988: 17), а «обособленное приложение, которое уподобляется именному сказуемому и отождествляется с различными дополнительными нюансами, выполняет первичную для имени существительного синтаксическую функцию» (Чеснокова, 1988: 20).

Здесь обязательно нужно учесть тот факт, что переход имени существительного нарицательного от препозиции в постпозицию по отношению к существительному собственному благоприятствует его обособлению, поскольку слабая синтаксическая связь между двумя именами существительными в исходной конструкции (из-за отсутствия четких и бесспорных эксплицирующих ее грамматических показателей) становится еще более лабильной и скомпрометированной.

Кроме того, в своей монографии *Обособленные члены предложения с синтаксической и стилистической точек зрения* Е. Георгиева креативным образом отстаивает идею о том, что обособленные члены – это не только «второстепенные члены плюс что-то», но они также «функциональные корреляты редуцированных подчиненных предложений минус что-то» (Георгиева, 1983: 26). Автор

углубленно рассматривает грамматические и смысловые особенности обособленных членов и выявляет причины их использования в речи. Она приходит к выводу, что синтаксическая категория *обособленных членов* обладает следующими признаками облигаторного характера: «интонационно-смысловой самостоятельностью; структурной необязательностью по отношению к содержащему их предложению; функциональным предназначением в качестве дополнительно поясняющих членов с отчетливо выделяющимся стилистическим отражением» (Георгиева, 1983: 39–40). По мнению автора, выражение полупредикативных отношений с помощью обособленных членов отличается изменчивым и непоследовательным характером, поэтому указанную возможность необходимо учитывать, но она не может быть частью дефиниции о категории *обособленных членов* (Георгиева, 1983: 40).

Очевидно, что между первым утверждением Е. Георгиевой («в этом примере ничего не меняется, если перейти к препозитивному необособленному приложению»), с одной стороны, и остальными ее утверждениями, которыми корректно и недвусмысленно доказываются различия между необособленными и обособленными членами, с другой стороны, наблюдается логическое противоречие. Трансформация порядка слов – это лишь результативное формальное выражение намного более существенных изменений в грамматическом и логико-семантическом статусах как апозитивной конструкции в целом, так и ее компонентов в отдельности. Попытка объяснить и сгладить это противоречие требует гораздо более усилий, чем его констатация.

К уже процитированным мнениям А. Пешковского в отношении специфики обособленных членов, Л. Чесноковой о первичных и вторичных синтаксических функциях, как и к некоторым из утверждений Е. Георгиевой, уместно

добавить и концепцию Игоря Распопова. Русский лингвист противопоставляет сочинительное и подчинительное синтаксические отношения, устанавливая и легитимируя четыре разновидности подчинительной связи – *субординацию, координацию, тяготение* и *апликацию*. Он анализирует различия между необособленным и обособленным приложением и приходит к выводу, что для необособленного приложения, напр.: *река Волга*, характерна субординация, которая понимается как «прямая и односторонняя связь между главным и зависимым компонентами» (Распопов, 1966: 8), а для обособленного приложения характерна аппликация (по словам автора более точным термином являлось бы слово *приложение*, но из-за его неопределенности он избегает его употребления). В авторовой концепции в качестве аппликации определяется полупредикативное отношение, которое всегда наблюдается между обособленным членом и словом (или частью) основного предложения, в котором он участвует.

Однако более важным является то, как И. Распопов интерпретирует различия между субординацией, при которой оба компонента образуют единое сложное наименование, и аппликацией, при которой оба компонента функционируют как наименования-дублеты. «В предложении *Наш лучший ученик Петя Иванов выступил на школьном вечере с докладом* наблюдается субординация: приложение *Петя Иванов* присоединяется к определяемому *ученик* посредством последовательного расширения конструктивно-синтаксического ряда (*Наш лучший ученик + Петя Иванов*). В предложении *Петя Иванов, наш лучший ученик, выступил на школьном вечере с докладом* наблюдается аппликация: обособленный член включается в этот ряд (связывается с этим рядом) параллельно с компонентом, к которому относится (*лучший ученик = Петя Иванов*)» (Распопов, 1966: 7). Хотя аппликация заметно приближается к

сочинительному отношению, она, по мнению И. Распопова, все же является: «особой разновидностью подчинения, для которой характерно то, что подчиненный компонент не ставится рядом с подчиняющим, а как бы накладывается на него и по этой причине уподобляется ему в его синтаксическом отношении по отношению к другим компонентам предложения» (Распопов, 1966: 8).

Очевидно, что в типе аппозитивной конструкции, являющемся предметом настоящего анализа, между препозитивным необособленным существительным нарицательным или постпозитивным обособленным существительным нарицательным, с одной стороны, и именем существительным собственным, с другой стороны, устанавливается различный тип синтаксического отношения, следовательно, имена существительные нарицательные в пре- и постпозиции выполняют различные синтаксические функции. Формальная трансформация порядка слов в рамках аппозитивной конструкции является результатом множества изменений не только синтаксического, но также семантического, коммуникативного и стилистического характера.

Препозитивное имя существительное нарицательное с нулевым артиклем vs. препозитивное имя существительное нарицательное с определенным артиклем

Третий вопрос затрагивает интерпретацию синтаксических функций препозитивного имени существительного нарицательного с нулевым артиклем и препозитивного имени существительного нарицательного с определенным артиклем, т. е. это разновидности (1а), напр.: *инспектор Стрезов; касиерка Благоева; заварчик Пешо*, и (1б), напр.: *инспекторът Стрезов; касиерката Благоева; заварчикът Пешо*. Здесь сразу производит впечатление факт, что второй и третий примеры первой разновидности (1а)

являются неграмматическими конструкциями.

В болгарском синтаксисе по традиции, заложенной Л. Андрейчиным, считается, что: 1) если имя существительное нарицательное употребляется с нулевым артиклем, оно выполняет синтаксическую функцию приложения, а существительное собственное – определяемого (если поменять местами имена существительные и одновременно с этим обособить имя нарицательное, имя собственное определяется как определяемое, а имя нарицательное – как обособленный член, выполняющий функцию приложения); 2) если существительное нарицательное употребляется с определенным артиклем, синтаксические функции имен существительных меняются, т. е. имя нарицательное функционирует как определяемое, а имя собственное – как приложение (Андрейчин, 1942: 465). Однако автор не дает ответ на вопрос, как определить синтаксические функции компонентов в аппозитивной конструкции, если существительное нарицательное употребляется только с нулевым артиклем или только с определенным артиклем.

В настоящем изложении тезис Л. Андрейчина принимается с некоторыми замечаниями. Одна из причин этого – специфика референтной отнесенности компонентов в аппозитивной конструкции. Так, например, по мнению Ольги Москальской, определенный и неопределенный артикли в качестве референтных сигналов не действуют изолированно. По этой причине их нельзя толковать однозначно, без учета лексического значения существительного, его синтаксической позиции в предложении, а также смысла всего предложения (Москальская, 1981: 105). Ирина Пулеха считает, что это касается и остальных актуализаторов. «В английском языке – пишет И. Пулеха – и определенный, и неопределенный артикли могут указывать как референтную, так и нереферентную отнесенность имени

существительного к экстралингвистическому объекту. Референтная или нереферентная интерпретация именной группы зависит от двух факторов. Первый состоит в том, какой смысл вкладывает в нее говорящий» (Пулеха, 1999: 49). То, что референция не является свойством самих языковых единиц – это аксиоматический тезис; она осуществляется говорящим как отдельный компонент в речевом акте). Второй заключается в том, что толкование именной группы «в большой степени зависит от фактора адресата. То, что известно адресанту, возможно неизвестно адресату и наоборот)» (Пулеха, 1999: 49–50). И. Пулеха еще утверждает, что «с одной стороны, определенная дескрипция может выполнять идентифицирующую функцию и иметь конкретно-референтный денотативный статус. С другой стороны, именная группа с определенным артиклем может иметь и родовой, и экзистенциальный статус. (...) Любая определенная дескрипция может употребляться как референтно, так и нереферентно...» (Пулеха, 1999: 55).

Кроме того, Л. Андрейчин не учитывает лексические и морфологические факторы, которые могут блокировать использование нулевого артикля или определенного артикля в аппозитивной конструкции, образованной по модели *существительное нарицательное + существительное собственное*. Речь идет о некоторых именах существительных нарицательных, обозначающих должность, профессию, специальность, национальную, политическую или религиозную принадлежность, возрастную характеристику, родственное или другое межличностное отношение, напр.: *касиерка Благоева; заварчик Пешио; католик Питър; грък Циципас; баба Тонка; бай Георги*. В частности о названиях родственных связей, употребляющихся с нулевым артиклем, которые означают единичный и определенный объект, авторитетным считается мнение Руселины Ницоловой, согласно которому:

«Некоторые существительные нарицательные в ед. ч., являющиеся названиями родственных связей, употребленные самостоятельно (*мама, татко, дядо* и др.) или в сочетании с краткой формой притяжательных местоимений (*майка ми, брат му* и т. п.), употребляются с нулевым артиклем, несмотря на то, что означают единичный и определенный объект» (Ницолова, 2006: 105). С другой стороны, большая часть анализируемых в настоящем исследовании имен существительных нарицательных, обозначающих должность, профессию, специальность и т. п., и функционирующих в виде одного из компонентов аппозитивной конструкции, могут употребляться только с определенным артиклем, т. е. в соответствии с идеями Л. Андрейчина, в аппозитивной конструкции они всегда будут выполнять функцию определяемых.

Что касается роли категории *детерминации*, по мнению Л. Андрейчина, грамматический детерминатор, т. е. определенный артикль, имеет более существенное значение при референции, чем семантический детерминатор, т. е. чем имя существительное собственное. Иная позиция у Ивана Недева, кто, подобно Алексею Востокову, считает, что в словосочетаниях этого типа «носителем семантического центра является имя существительное собственное, поэтому роль приложения выполняет имя существительное нарицательное, независимо от его позиции по отношению к имени существительному собственному, обозначающему лицо, и независимо от того, с артиклем ли оно употребляется, или без артикля» (Недев, Събев, 1989: 66).

Синтаксический подход, применяемый изолированно Л. Андрейчиным, вряд ли может быть достаточно приемлемым решением поставленного вопроса. Причина в том, что как он, так и остальные языковеды-болгаристы, которые безоговорочно принимают его тезис и последовательно утверждают его, не разграничивают индивидуальную и общую

(генерическую) определенность в словосочетаниях, содержащих приложение (аппозицию). Кроме того, в болгарской синтаксической литературе все еще не уделяется достаточно внимания двум случаям употребления существительного нарицательного с нулевым артиклем в аппозитивной конструкции. Первый случай употребления (прямого, конкретного), при котором денотат – неопределенный единичный предмет; это употребление референтное. Второй случай употребления (косвенного, неконкретного, квалифицирующего), при котором денотат не единичный предмет, а это родовые признаки класса предметов; в этом случае употребление имени – нереперентное) (Москальская, 1981: 105–106).

Лишь немногие из болгарских лингвистов, хотя и спорадически, отстаивают непопулярную позицию, что в конструкциях рассматриваемого типа, в качестве независимого компонента, т. е. как определяемое, всегда, независимо от наличия или отсутствия определенного артикля, функционирует имя существительное нарицательное (см. напр.: Гецов, 2020). Именно эта позиция и разделяется в настоящем изложении: с логико-семантической точки зрения (при отсутствии четко выраженного грамматического отношения между компонентами аппозитивной конструкции) имя существительное нарицательное как в (1а), так и в (1б) функционирует как определяемое. Как пишет и Мони Алмалех, «Простая логика показывает, что видовое понятие – это то, которое может уточнить родовое, а не наоборот» (Алмалех, 1993: 89).

Обособленное приложение с нулевым артиклем vs. обособленное приложение с определенным артиклем

Четвертый вопрос касается различий, связанных с употреблением обособленного приложения с нулевым артиклем и обособленного приложения с определенным артиклем, т. е., это разновидности (2б), напр.: *Стрезов, инспектор; Благоева,*

касиерка; Пешо, заварчик, и (3б), напр.: Стрезов, инспекторът; Благоева, касиерката; Пешо, заварчикът. Категорически можно принять, что этот вопрос уже получил приемлемый ответ. Во многом заслуга в этом С. Стоянова и К. Попова, а позже и Е. Георгиевой, которые углубленно и аргументированно анализируют оба типа употребления. Для обозначения обособленных членов, в рамках которых существительное нарицательное употребляется с определенным артиклем, Е. Георгиева использует термин «*уточняющие приложения*», а для обозначения обособленных членов, в которых существительное нарицательное употребляется с нулевым артиклем, она использует термин «*квалифицирующие приложения*» (ГСБКЕ 1983: 234).

По мнению С. Стоянова, обособленное приложение без артикля представляет новое название, дающееся лицу или предмету, как нечто неизвестное, незнакомое (до момента сообщения) для читателя или слушателя. Новое название предикативно приписывается определяемому, поэтому приложение этого типа можно заменить придаточным определительным предложением со сказуемым *съм*, напр.: *Събитията в Оман – арабско княжество на Арабския полуостров – са в центъра на вниманието на обществеността от всички страни.* Обособленное приложение с артиклем представляет новое название, которое дается объекту, означенному определяемым, как нечто известное, знакомое еще до момента сообщения. Таким образом, определяемое и данное ему другое название (приложение) находятся в атрибутивной связи, напр.: *Тази сутрин беше тук и Дянков, лесничият.* Обособленное приложение с артиклем *лесничият* не означает звание лица (*Дянков*), которое не было известным до сих пор. Функция приложения с артиклем – напомнить о чем-то известном, с целью уточнить определенную мысль. Поскольку приложение находится в атрибутивной связи с определяемым, его нельзя заменить

придаточным определительным предложением. Например, в предложении *Тази сутрин беше тук и Дянков, който е лесничей* будет не одна (как в оригинале), а две предикации (Стоянов, 1958: 254–256).

К. Попов, так же как и С. Стоянов, считает, что обособленное приложение, употребленное без артикля, может быть преобразовано в придаточное определительное предложение, напр.: *Това е дело на Иван Марков, главен енергетик* и *Това е дело на Иван Марков, който е главен енергетик*, а связь обособленного приложения, употребленного с артиклем, с определяемым приобретает сочинительный (паратактический) характер, напр.: *Другарят ми, ученикът, отседна от добичето* (И. Вазов). Идея К. Попова о паратактическом характере связи между двумя компонентами корреспондирует интересно и продуктивно с концепцией И. Распопова (Распопов, 1966: 3–11; Распопов, 1967: 102–107).

Ссылаясь на С. Стоянова (Стоянов, 1958: 255–256), К. Попов утверждает, что обособленное приложение с артиклем служит целям идентификации, отождествления. Его употреблением не вносится новая информация, а подчеркивается что-то знакомое, определенное, поэтому его нельзя трансформировать в придаточное определительное предложение, которое всегда имеет коммуникативную функцию. При такой трансформации оно всегда выглядит искусственным, ненужно «натянутым», неестественным, необычным, напр.: *На средата на масата с важност стоеше Гавраил, кметът* и *На средата на масата с важност седеше Гавраил, който беше кмет* (Попов, К., 1978: 213–215).

Необособленное постпозитивное имя существительное нарицательное с нулевым артиклем vs. необособленное постпозитивное имя существительное нарицательное с определенным артиклем

Пятый вопрос касается определения синтаксических функций необособленных

постпозитивных имен существительных нарицательных. Эти имена имеют две разновидности – с нулевым артиклем (2а), напр.: *Стрезов инспектор*; *Благоева касиер*; *Пешо заварчик*, и с определенным артиклем (3а), напр.: *Стрезов инспекторът*; *Благоева касиерката*; *Пешо заварчикът*. В сущности этот вопрос актуален только для конструкций типа (3а), так как употребление конструкций типа (2а) в болгарском синтаксисе несостоятельно.

Согласно статус-кво, установленному в болгарском синтаксисе Л. Андрейчиным, при употреблении имен существительных, означающих титулы (*цар*, *лорд*, *поручик*, но также *доктор*, *инспектор*, *адвокат*) перед именами собственными, в зависимости от того, с артиклем ли употребляется существительное нарицательное, или без, оно может функционировать как определяемое или как приложение, т. е. в *инспектор Стрезов* определяемым будет имя собственное *Стрезов*, но в *инспекторът Стрезов* определяемым будет имя нарицательное *инспекторът*. Тогда возникает вопрос какова будет функция постпозитивного существительного нарицательного с определенным артиклем, если оно не обособлено, напр.: *Стрезов инспекторът*, и чем будет обоснован такой тезис?

По мнению К. Попова (Попов, 1962: 161) и по мнению И. Недева (Недев, Събев, 1989: 66), которые однако не аргументируют свои утверждения, синтаксическая функция имени существительного нарицательного останется неизменной, т. е., оно определяется как приложение. В этом случае однако игнорируется роль категории *детерминации*. Рассматриваемые здесь конструкции проанализированы и в *Практической болгарской грамматике* Петром Пашовым, но он тоже, как и К. Попов и И. Недев, игнорирует категорию *детерминации* (Пашов, 1989: 292).

Другой вариант – это принять, что сложный симбиоз между грамматическим

средством (трансформацией порядка слов) и семантико-прагматическим явлением (детерминацией) приводит к осуществлению вторичной метатезы приложения: *инспектор* (приложение) *Стрезов* (определяемое) → *инспекторът* (определяемое) *Стрезов* (приложение) → *Стрезов* (определяемое) *инспекторът* (приложение).

Решение пятого вопроса, предлагаемое здесь, обосновано с логической и грамматической точек зрения: как в базовом типе аппозитивной конструкции типа: *инспекторът Стрезов; касиерката Благоева; заварчикът Пешо*, так и в конструкциях, возникших в результате трансформации порядка слов, типа: *Стрезов инспекторът; Благоева касиерката; Пешо заварчикът*, принимается, что имя существительное нарицательное функционирует как определяемое, а имя существительное собственное выполняет функцию приложения, поскольку родовое отношение между двумя компонентами конструкции остается тем же самым. Неизменную ситаксическую функцию компонентов в аппозитивной конструкции можем объяснить инверсивным употреблением определяемого. Кстати, такое употребление наблюдается также в аппозитивных конструкциях, в которых вероятнее всего под влиянием турецкого языка имя существительное нарицательное иногда ставится после существительного собственного и функционирует в качестве псевдотитула, напр.: *Чавдар войвода* (но: *капитан Петко войвода*); *Марко чорбаджи* (но: *чорбаджи Марко*); *Кириак ефенди* (но: *ефенди Михайлов*); *Осман челеби* (но: *Челеби Осман бей*); *Юмер бей* (но: *господин Юмер*).

Необособленное постпозитивное имя существительное нарицательное с определенным артиклем vs. обособленное постпозитивное имя существительное нарицательное с определенным артиклем

Шестой, последний вопрос затрагивает интерпретацию синтакси-

ческого статуса необособленного и обособленного постпозитивного имени существительного нарицательного с определенным артиклем, т. е. разновидности (3а), *Стрезов инспекторът; Благоева касиерката; Пешо заварчикът*, и (3б), напр.: *Стрезов, инспекторът; Благоева, касиерката; Пешо, заварчикът*.

Тезис об обособленном характере существительных нарицательных в конструкциях типа: *Пеньо – горският; Петко Петъкът – клисаря; Латиф, старият файтонджия; дядо Марин, бирникът* (Чудомир), представлен в болгарских грамматиках с конца XIX до середины XX века. Он принимается и дополнительно развивается С. Стояновым, кто иллюстрирует свои утверждения примерами: *Тази сутрин тук беше и Дянков, лесничеят* (Й. Йовков); *Янко, разносвачът на пощата, беше се отбил до хумниците, за да остави едно писмо на дядо Моска* (Й. Йовков) (Стоянов, 1958: 254–255), и К. Поповым, кто аргументирует свое мнение примерами: *Другарят ми, ученикът, отседна от добичето* (И. Вазов); *Отец Лука, епитропът, има сериозно и възбледо лице* (И. Вазов); *Дядо Обрешко, пчеларинът, от сутрин до вечер сновеше* (А. Каралийчев); *На средата на масата с важност седеше Гавраил, кметът* (Е. Пелин); *Говореше Петър, овчарят, възгордян, но развълнуван* (Й. Йовков) (Попов, 1978: 214).

Однако следует иметь в виду, что в своем учебнике *Современный болгарский язык. Синтаксис* (1962), опубликованном за 16 лет до указанной выше статьи, К. Попов – в зависимости от специфики различных разделов в своем учебнике – использует различный иллюстративный материал. В разделе *Обособленные приложения* он приводит примеры, подобные уже процитированным: *Хаджи Павли, сватът, записан от смях, ядеше с вилката на Михалаки Алафрангата* (И. Вазов); *Леля Станка имаше някаква далечна роднина, гражданка, която живееше в София* (Е. Пелин) (Попов, 1962:

207) (Кстати, этот пример впервые приводится Л. Андрейчиным (Андрейчин, 1942: 478), в которых приложение всегда пунктуационно выделено. Но в разделе *Приложение* автор приводит примеры другого типа: *Максим рибаря*, *Торашко каменаря* и *Калуда циганката* (Попов, 1962: 162). В оригинальном тексте Йордана Йовкова существительное нарицательное *каменаря* в соответствии с литературной нормой употреблено с полным определенным артиклем, ср.: *Почти пиян беше само Торашко каменарят, който беше дошел най-рано* («Другоселец»), что, как выясним дальше в изложении, имеет существенное значение.

Что касается примера *Калуда, циганката*, было установлено нечто столько интересное, сколько и беспокоящее. В оригинальном тексте Й. Йовкова имя существительное нарицательное *циганката* выделено запятыми, ср.: *Калуда, циганката, продаваше дребни неща, който повече и служеха да прикрива с тях просията си: бяла и червена пръст, хума, сухи дренки, врътена* («Божура»), т. е. оно обособлено. По неизвестным причинам однако в учебнике К. Попова запятыя «забыты» (а также пример приведен вне контекста предложения!). Вероятнее всего именно с популярного учебника К. Попова начинается ряд некорректных цитирований этого примера – см. например в трудах Татьяны Молошной (Молошная, 1975: 153, 154), Стефана Стефанова-Брезинского (ГСБКЕ, 1983: 182) и М. Алмалеха (Алмалех, 1993: 53).

Насчет примеров типа *Максим рибаря*, *Торашко каменаря* и *Калуда циганката*, как и вообще насчет приложений, означающих научные и должностные титулы, профессию, должность, специальность, прозвище, народность, К. Попов допускает, что **их можно обособить** (выделено нами. – А. Г.) или их возможно употребить самостоятельно в некоторых случаях, напр.: *Стоянов, доктор по философия; Белинов,*

професор; Стилиянов, полковник от запаса...» (Попов, 1962: 162).

Схожая трактовка встречается и у С. Стефанова-Брезинского: «...4) Приложения, означающие профессии, титулы, должности, национальную принадлежность и др., напр: *професор Попов, академик Георгиев, генерал Косев, Калуда циганката* и др. В таких случаях **приложения нормально могут являться обособленными, но тогда они становятся постпозитивными** (выделено нами. – А. Г.) – напр.: *Попов, професорът по езикознание; Калуда, циганката от горния край; Косев, генералът от запаса*, и др.» (ГСБКЕ, 1983: 182).

Близко к пониманию С. Брезинского мнение Русина Русинова, кто однако не разделяет такой крайний взгляд в отношении возможности обособления в анализируемых конструкциях: «Нераспространенные приложения изначально необособленные, но некоторые из них – чтобы сильнее подчеркнуть их смысл – можно обособить, напр.: *Михаил Иванов, председателят, влезе в канцеларията*. Обособление нераспространенных приложений характерно прежде всего для художественной речи: *Баба Пена, знахарката, размахва хурката си, тича и къльне* (А. Каралийчев); *Ей и Балканът, хайдутинът, старият, снема пред слънцето снежната гугла* (Н. Марангозов). Распространенные приложения всегда обособляются. (...) В народной речи приложения после личных местоимений не обособляются, напр.: *С какво сме по-лоши ние българите от вас?* (Д. Талев)» (Русинов, 2000: 134).

Конечно, причины обособления не только смысловые, как утверждает Р. Русинов. В сущности, наблюдается комплекс причин, которые – с учетом формы речи и типа коммуникации – характеризуются разным вкладом и взаимодействуют друг с другом на разных уровнях и с разной интенсивностью. Здесь поддерживается тезис о том, что обособление в литературной речи не должно

быть ни спонтанным, ни фривольным выбором участников коммуникации; оно справедливо определяется как один из существенных показателей разграничения литературной от разговорной речи (Георгиева, 1983: 23). Если в устном неформальном общении имеют место такие явления, как эмоциональность, импульсивность, экспрессивность, субъективизм, то в институциональных дискурсах (особенно в письменной форме речи) обособление или необособление постпозитивного имени существительного нарицательного, помимо желаемого соответствия авторовой интенции, должно соответствовать литературной норме.

При анализе этого типа аппозитивной конструкции нельзя умалять важность доводов некоторых болгарских лингвистов или недооценивать их мнения относительно т. наз. факультативного обособления. Они приоритетно сводятся к пониманию того, что обособление, соответственно необособление, зависят от субъективной оценки производителя речи. Убедительна в этом отношении точка зрения Ивелиной Савовой. В учебном пособии *Болгарский синтаксис* (в соавторстве с С. Добревой), в разделе *Приложение*, среди обильного иллюстративного материала выделяются примеры: *Геро полицая, Исак евреина* (Савова, Добрева, 2015: 97), в которых, очевидно, имена существительные нарицательные не обособлены. Но в разделе *Обособленные члены* того же самого пособия суть обособленного приложения проиллюстрирована предложениями: *Чакаме само Георги, новия ученик; Това е новата жена на Димитров – съседа* (Савова, Добрева, 2015: 124–125), в которых существительные нарицательные обособлены. Комментарий к последнему примеру лаконичен, но предельно ясен: «При нераспространенных обособленных членах (однословных или однородных) разбор элементарен: *съседа* – это обособленное приложение к слову *Димитров*» (Савова, Добрева, 2015: 125).

Очевидно, что здесь идет речь о субъективной оценке, потому что между двумя примерами – *Геро полицая* и *Димитров – съседа* – трудно найти разницу.

В настоящем изложении как более целесообразный и авторитетный принимается взгляд А. Пешковского. Русский лингвист считает, что из-за слишком слабой связи с определяемым приложение обособляется намного чаще, чем определение-прилагательное. «Одно из имен существительных всегда стремится к двум крайностям – или слиться с другим существительным, напр. *поэт-художник, механик-самоучка*, причем неполноценная (нестабильная) грамматическая связь заменяется ритмической связью, или совсем же оторваться от него, посредством обособления» (Пешковский, 2001: 429–430).

В примерах, которыми А. Пешковский иллюстрирует свой тезис, обособляется имя существительное собственное, труднее и реже обособляющееся по сравнению с существительным нарицательным, которое при перестановке порядка слов занимает позицию после собственного. Это видно из примеров, приведенных Николаем Корниловым в его критическом обзоре, цель которого – раскрыть суть упомянутой уже идеи А. Пешковского: «*Ослабевший французский офицер был Рамбаль; повязанный платком был его денщик Морель* (Л. Толстой). – *Морель, денщик, принёс кастрюлю с тёплой водой...* (Он же); *У Юшки уже была другая старуха нянька, но Юшка признавал Ольгу выше, любимей старухи и всегда тянулся к ней...* – *У Юшки уже была другая нянька, старуха, но Юшка признавал Ольгу выше, любимей старухи и всегда тянулся к ней...* (А. Платонов)» (Корнилов, 2012: 59). Дитмар Розенталь и Маргарита Теленкова, авторы исключительно популярного *Словарь-справочник лингвистических терминов*, даже представляют обособление постпозитивного существительного нарицательного как нормативное предписание,

ср.: *Сего дня в обед Кулига, табельщик, рассказывал о французских электротехниках* (Горький) (Розенталь, Теленкова, 1976: 224–225).

Несмотря на то, что здесь принимается тезис А. Пешковского об обособлении постпозитивного имени существительного нарицательного с определенным артиклем, которое имеет нормативный характер, в речевой практике встречается и другое возможное употребление имени нарицательного – а именно, в качестве необособленного члена. В этом отношении показательно употребление анализируемой конструкции Чудомиром. В его рассказах при именовании персонажей употребляются то необособленные, то обособленные постпозитивные существительные нарицательные, напр.: *Станьо бакалинът; Недя касапина; Стоино налбантинът; Чолпанка вдовицата*, но также: *Динко – фелдшерът; Пеньо, старшията; Йовкини, комшиите; Пена Цанковичина, вдовицата* (Чудомир, 1981), причем очень трудно установить, какой вид употребления преобладает.

В этом случае однако следует иметь в виду, что различия между необособленными и обособленными именами существительными нарицательными в таком типе аппозитивной конструкции категорически установлены и эвентуальный выбор должен быть обдуманым и хорошо мотивированным. Ср. уже упомянутое выше утверждение Е. Георгиевой: «В отличие от обыкновенных приложений, которые называют известную особенность как присущую, как данность, при обособленных приложениях соотношение иное: оно выступает, чтобы назвать, пояснить иным образом, дать дополнительные сведения, уточнить признаковые особенности» (ГСБКЕ, 1983: 233). Т. е. говорить о субъективном моменте в этом случае было бы слишком преувеличенно.

Когда подвергаются анализу подобные различия, следует обратить

внимание также на некоторые именные фразы, близкие к рассматриваемым, которые все же довольно сильно отличаются как с синтаксической, так и с семантической, и с коммуникативной точек зрения. Речь идет о конструкциях типа: *той инспекторът; той Стрезов; инспекторът той; Стрезов той* и других подобных, в которых наблюдается т. наз. местоименная реприза.

В своем учебнике, в разделе *Обособленные приложения*, К. Попов подчеркивает очень важное наблюдение: обособленные приложения после личных местоимений характеризуются преимущественно литературным употреблением, напр.: *Тя – бедната дама – започна да плаче* (Н. Вапцаров); *Да, роб е той, народа, и сти дълбоко, гробно* (П. Яворов), в народном языке однако обособление в таких случаях избегается, напр.: *Тя моята помощ се е видяла; Ние дечурлигата никога не бяхме виждали леля Дъмша* (Е. Пелин) (Попов, 1962: 208–209). Такие словосочетания, в которых подлежащее названо двукратно, причем хотя бы один из компонентов – местоимение, не являются предметом нашего исследования. Однако их не следует игнорировать, по крайней мере по двум причинам.

Первая заключается в том, что в синтетических трудах по болгарскому синтаксису эти конструкции трактуются амбивалентно. В Академической грамматике, как и в своем учебнике, К. Попов утверждает, что в этих словосочетаниях присутствует дублированное (двусоставное) подлежащее (ГСБКЕ, 1983: 123; Попов, 1962: 109). С. Брезински утверждает, что в случаях, подобных этим, «приложение употребляется в качестве дублированного подлежащего» (Брезински, 1987: 5). По мнению Е. Георгиевой (Георгиева, 1983: 49) в анализируемых словосочетаниях присутствует подлежащее, поясняемое обособленным членом с функцией приложения. Иван Недев в некоторых случаях считает, что речь идет об

обособленном приложении (Недев, Събев, 1989: 69), в других – об удвоенном подлежащем (Недев, 2014: 90–92). Подобное колебание наблюдается и у Пенки Радевой (Радева, 2015: 64, 117–121). Критический обзор различных толкований указанных конструкций проведен А. Гецовым (Гецов, 2018: 95–97).

Особого внимания требует позиция Е. Георгиевой. В дефиниции обособленного приложения, приведенной ей, она утверждает, что обособленное приложение выражается чаще всего посредством имени существительного и поясняет другое имя существительное (ГСБКЕ, 1983: 231), а немного ниже по тексту уточняет, что обособленное приложение может пояснять местоимения. Более того – Е. Георгиева пишет: «В практике приложения к личным местоимениям обычно воспринимаются по-разному – и как обособленные, и как обычные, необособленные» (ГСБКЕ, 1983: 232). Это утверждение находится в противоречии с единодушно воспринятым тезисом о том, что приложение относится только к именам существительным или к субстантивированным частям речи. (См. например дефиницию приложения в той же самой Академической грамматике, приведенную С. Стефановым-Брезинским (ГСБКЕ, 1983:181)). Если принять безусловно позицию Е. Георгиевой, следует, что обе дефиниции – обособленного приложения и необособленного приложения – нужно существенно изменить путем дополнения и уточнения. А это вряд ли будет уместным и целесообразным!

Непоследовательное и амбивалентное толкование конструкций типа *тя, пролетта; той, борецьт* и др. является следствием комплицированных синкретических синтактико-семантических отношений в предложении, которые усложняют, а иногда блокируют поиск и нахождение достаточно адекватного и хорошо работающего подхода к их анализу и концептуализации.

Вторая причина состоит в том, что, по всей вероятности, местоименная реприза, типичная для устной формы речи и неформального общения, влияет сильно, устойчиво и непосредственно на обособление нерегулярного характера в конструкциях типа *Васил, майстора; Прокони, хазаинът; Йовчо, секретар-бирникът; Любо, охраната*, и т. п.

В настоящем изложении не принимается тезис С. Брезинского, согласно которому, если определяемое – имя существительное собственное, *Вапцаров поетът; Вапцаров огнярят*, приложение не обособляется, но если оно – личное местоимение, напр.: *Тя, Катерина, ...; Тя – пролетта – дойде прекрасна*, приложение обособляется (Брезински, 1987: 4). Наоборот – естественно и типично, когда в разговорной речи реализуется местоименная реприза, из-за редуцированной до минимума паузы не обособляет второй компонент, причем это осуществляется без изменения синтаксического статуса существительного нарицательного и без существенного изменения его коммуникативной значимости. Т. е. в последних двух примерах употребление выделяющих знаков препинания можем считать факультативным, поскольку речь идет исключительно и только о дублировании подлежащего.

В примерах *Вапцаров, поетът*, и *Вапцаров, огнярят*, обособление, соответственно необособление существительного нарицательного с определенным артиклем означает, что радикально меняются как вид семантико-синтаксического отношения между компонентами аппозитивной конструкции, так и их синтаксические функции. Если обособить второй компонент, наблюдается полупредикативное словосочетание, образованное из определяемого и обособленного члена с функцией приложения. В этом случае обособленное приложение выполняет первичную для имени существительного синтаксическую

функцию. Если не обособить второй компонент, он – и по причине наличия определенного артикля – будет функционировать как определяемое, а существительное собственное – как инверсированное необособленное приложение. В этом случае необособленное приложение выполняет вторичную для имени существительного функцию.

Результаты и выводы

Выводы, проистекающие из представленных выше наблюдений и анализов, сводятся к следующему:

В разновидностях (1а), напр.: *инспектор Стрезов; касиерка Благоева; заварчик Пешо*, и (1б), напр.: *инспекторът Стрезов; касиерката Благоева; заварчикът Пешо* проанализированной аппозитивной конструкции имя существительное нарицательное функционирует как определяемое, а существительное собственное – как приложение, поскольку – в соответствии с логическим критерием – между двумя компонентами наблюдается родо-видовое отношение. Конечно, при анализе (1б) следует учитывать существование, с одной стороны, существительных нарицательных, обозначающих некоторые наименования родственных связей и употребляющихся только с нулевым артиклем, а, с другой стороны, существование существительных нарицательных, обозначающих профессию, должность, занятие, специальность и пр., которые всегда употребляются с определенным артиклем. В этих случаях при «распределении» синтаксических функций между компонентами аппозитивной конструкции семантический критерий, учитывающий специфику их лексической семантики, выступает в поддержку логического критерия.

В разновидностях (2б), напр.: *Стрезов, инспектор; Благоева, касиерка; Пешо, заварчик*, и (3б), напр.: *Стрезов, инспекторът; Благоева, касиерката; Пешо, заварчикът*, имя существительное нарицательное выполняет роль

обособленного члена с функцией приложения, причем, естественно, учитываются логико-семантические и коммуникативные различия, связанные с употреблением формы с артиклем или без артикля, а имя существительное собственное функционирует как определяемое.

В разновидности (3а), напр.: *Стрезов инспекторът; Благоева касиерката; Пешо заварчикът*, имя существительное нарицательное функционирует как определяемое, подобно (1а), напр.: *инспектор Стрезов; касиерка Благоева; заварчик Пешо*, и (1б), напр.: *инспекторът Стрезов; касиерката Благоева; заварчикът Пешо*, независимо от постпозиции, являющейся результатом преднамеренного нарушения грамматического порядка слов, а имя существительное собственное функционирует как приложение.

Различия между разновидностями (3а), напр.: *Стрезов инспекторът; Благоева касиерката; Пешо заварчикът*, и (3б), напр.: *Стрезов, инспекторът; Благоева, касиерката; Пешо, заварчикът*, категорически установлены и общеприняты. Выбор одной из них должен быть заранее обдуман и мотивирован с коммуникативной, синтаксической, семантической и стилистической точек зрения.

Разновидность (2а), напр.: *Стрезов инспектор; Благоева касиерка; Пешо заварчик*, некорректна, как и некоторые случаи в (1б), и ее употребление может рассматриваться исключительно и только как результат недостаточно хорошо усвоенной грамматической компетенции.

Список литературы

- Алмалех М. Семантика и синтаксис. София: УИ Св. Климент Охридски, 1993. 139 с.
Андрейчин Л. Основна българска граматика. София: Хемус А.–Д., 1942. 560 с.
Андрейчин Л., Иванов М., Попов К. Съвременен български език. Част II. Учебник за I и II курс на учителските институти. София: Народна просвета, 1957. 306 с.

Брезински Ст. Приложението като вид определение // Български език и литература, кн. 1. 1987. С. 3–7.

Георгиева Ел. Обособените части на изречението от синтактично и от стилистично гледище. София: Народна просвета, 1983. 128 с.

Гецов А. Към въпроса за граматическите отношения в апозитивните словосъчетания // Проблеми на устната комуникация, Кн. 11. В. Търново: УИ Св. св. Кирил и Методий, 2018. С. 87–105.

Гецов А. Апозиция и референция // Годишник на Факултета по хуманитарни науки, том XXXI А. Шумен: УИ Епископ Константин Преславски, 2020. С. 209–230. URL: <https://www.shu.bg/wp-content/uploads/file-manager-advanced/users/faculties/fhn/izdaniya/godishnici/2020-godishnik.pdf> (дата обращения: 21.02.2021).

ГСБКЕ. Граматика на съвременния български книжовен език. Том III. Синтаксис. София: Издателство на БАН, 1983. 466 с.

Иванов М. Синтаксисъ на българския езикъ за III класъ. Второ издание. Пловдив: Издание и печатъ на Хр. Г. Данов, 1905. 123 с.

Илиев Ат. Синтаксис на българския език. Пловдив: Хр. Г. Данов, 1888. 234 с.

Калканджиев П. Българска граматика. Книгоиздателство Христо Г. Данов – О. О. Дружество Пловдив – София, 1938. 534 с.

Корнилов Н. В. Нерешенные вопросы теории аппозитивных сочетаний. Владимир, 2012. 179 с.

Костов Н. Българска граматика. София: Книгоиздателство Казанлъшка долина, 1939. 255 с.

Молошная Т. Н. Субстантивные словосочетания в славянских языках. Москва: Наука, 1975. 240 с.

Москальская О. И. Грамматика текста: пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков: учебное пособие. Москва: Высшая школа, 1981. 183 с.

Мишина Ю. Е. Приложение в английском языке. Самара, 2007. 199 с.

Недев Ив., Събев, С. Към въпроса за разграничаването на приложението от неговото определяемо // Език и литература, кн. 3. 1989. С. 64–70.

Недев Ив. Български език. Синтаксис и пунктуация. Силистра: РИТТ, 2014. 474 с.

Ницолова Р. Българска граматика. София: УИ Св. Кл. Охридски, 2008. 524 с.

Пашов П. Практическа българска граматика. София: Народна просвета, 1989. 375 с.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении, 8-е изд., доп. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 545 с.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении: Популярный очерк: Пособие для самообразования и школы. Москва: тип. В. М. Саблина, 1914. 440 с.

Попов Д. Българска граматика. София: Книгоиздателство Христо Г. Дановъ, 1942. 420 с.

Попов К. Съвременен български език. Синтаксис. София: Наука и изкуство, 1962. 356 с.

Попов К. Структурни, семантични и функционални особености на апозицията (приложението) в българския и сърбохърватския език // Славянска филология. Том XV. София: УИ Св. Климент Охридски, 1978. С. 207–218.

Пулеха И. Р. Приложение в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Санкт Петербург, 1999. 186 с.

Радева П. Записки по синтаксис на съвременния български книжовен език. Словосъчетание и просто изречение. В. Търново: УИ Св. св. Кирил и Методий, 2015. 136 с.

Распопов И. П. О видах и способах конструктивно-синтаксических связей слов // Русский язык в национальном школе, кн. 6. 1966. С. 3–11.

Распопов И. П. К вопросу об обособлении // Русский язык в школе, кн. 4. 1967. С. 102–107.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Москва: Просвещение, 1976. 543 с.

Русинов Р. Практическа стилистика. 2-ро изд. В. Търново: Абагар, 2000. 160 с.

Савова Ив., Добрева Сн. Български синтаксис. Учебно помагало за студенти. В. Търново: Фабер, 2016. 372 с.

Теодоров-Балан Ал. Нова българска граматика. София: Т. Ф. Чипев, 1940. 487 с.

Чеснокова Л. Д. Первичность и вторичность синтаксических функций словоформ (существительное, прилагательное, глагол, наречие) // Системно-функциональное

описание словосочетания и простого предложения. Межвузовский сборник научных трудов. Ленинград: ЛПШ им. А. И. Герцена, 1988. С. 16–27.

Чудомир. Съчинения в три тома. София: Български писател, 1981.

References

Almaleh, M. (1993). *Semantika i sintaksis* [Semantics and syntax], UI Sv. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria. (In Bulgarian)

Andreychin, L. (1942). *Osnovna balgarska gramatika* [Basic Bulgarian grammar], Hemus A.–D., Sofia, Bulgaria. (In Bulgarian)

Andreychin, L., Ivanov, M., Popov, K. (1957). *Savremenen balgarski ezik. Chast II. Uchebnik za I i II kurs na uchitelските instituti* [Contemporary Bulgarian. Part II. A textbook for 1st- and 2nd – year students in teacher training colleges], Narodna prosveta, Sofia, Bulgaria. (In Bulgarian)

Brezinski, St. (1987). Prilozhenieto kato vid opredelenie [The appositive as a type of attribute], *Balgarski ezik i literatura*, kn. 1, 3–7. (In Bulgarian)

Georgieva, El. (1983). *Obosobenite chasti na izrechenieto ot sintaktichno i ot stilistichno gledishte* [The detached parts of the sentence from a syntactic and stylistic perspective], Narodna prosveta, Sofia, Bulgaria. (In Bulgarian)

Getsov, A. (2018). Kam vaprosa za gramaticheskite otnoshenia v apozitivnite slovosachetania [On the grammatical relations in the appositive word groups], *Problemi na usnata komunikatsia*, UI Sv. sv. Kiril i Metodiy, V. Tarnovo, 87–105. (In Bulgarian)

Getsov, A. (2020). Apposition and reference, *Godishnik na Fakulteta po humanitarni nauki*, tom XXXI A. UI Episkop Konstantin Preslavski, Shumen, 209–230, available at: <https://www.shu.bg/wp-content/uploads/file-manager-advanced/users/faculties/fhn/izdaniya/godishnici/2020-godishnik.pdf> (Accessed 21 February 2021). (In Bulgarian)

GSBKE (1983). *Gramatika na savremennia balgarski knizhoven ezik. Tom III. Sintaksis* [A grammar of the contemporary Bulgarian literary language. Volume III. Syntax], Izdatelstvo na BAN, Sofia, Bulgaria. (In Bulgarian)

Ivanov, M. (1905). *Sintaksis na balgarskia ezik za III klas* [Bulgarian syntax for 3rd-grade

students], Izdanie i pechat na Hr. G. Danov, Plovdiv, Bulgaria. (In Bulgarian)

Iliev, At. (1888). *Sintaksis na balgarskia ezik* [Bulgarian syntax], Hr. G. Danov, Plovdiv, Bulgaria. (In Bulgarian)

Kalkandzhiev, P. (1938). *Balgarska gramatika* [Bulgarian grammar] Knigoizdatelstvo Hr. G. Danov – O. O. Druzhestvo Plovdiv – Sofia, Bulgaria. (In Bulgarian)

Kornilov, N. V. (2012). *Nereshennye voprosy teorii appozitivnyh sochetanij* [Unresolved issues in the theory of appositive constructions], Vladimir, Russia. (In Russian)

Kostov, N. (1939). *Balgarska gramatika* [Bulgarian grammar], Knigoizdatelstvo Kazanlashka dolina, Sofia, Bulgaria. (In Bulgarian)

Moloshnaja, T. N. (1975). *Substantivnye slovosochetaniya v slavjanskijh jazykah* [Substantive word combinations in Slavic languages], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Moskal'skaja, O. I. (1981). *Grammatika teksta: posobie po grammatike nemetskogo jazyka dlja institutov i fakul'tetov inostrannyh jazykov* [Text grammar: A handbook on the grammar of German for colleges and faculties of foreign languages]. Vysshaja shkola, Moscow, Russia. (In Russian)

Mishina, Yu. E. (2007). *Prilozhenie v anglijskom jazyke* [The apposition in English], Samara, Russia. (In Russian)

Nedev, Iv., Sabev, S. (1989). On the distinction between the appositive and its head word, *Ezik i literatura*, 3, 64–70. (In Bulgarian)

Nedev, Iv. (2014). *Balgarski ezik. Sintaksis i punktuatsia* [Bulgarian language. Syntax and punctuation], RITT, Silistra, Bulgaria. (In Bulgarian)

Nitsolova, R. (2008). *Balgarska gramatika* [Bulgarian grammar], UI Sv. Kl. Ohridski, Sofia, , Bulgaria. (In Bulgarian)

Pashov, P. (1989). *Prakticheska balgarska gramatika* [Practical Bulgarian grammar], Narodna prosveta, Sofia, Bulgaria. (In Bulgarian)

Peshkovskij, A. M. (2001). *Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii* [Russian syntax in scientific coverage], Jazyki slavyanskoj kul'tury, Moscow, Russia. (In Russian)

Peshkovskij, A. M. (1914). *Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii: Populjarny ocherk: Posobie dlja samoobrazovanija i shkoly* [Russian syntax in scientific coverage: A popular

essay: a handbook for self-study and schools], tip. V. M. Sablina, Moscow, Russia. (In Russian)

Popov, D. (1942). *Balgarska gramatika* [Bulgarian grammar], Knigoizdatelstvo Hristo G. Danov, Sofia, Bulgaria. (In Bulgarian)

Popov, K. (1962). *Savremenen bulgarski ezik. Sintaksis* [Contemporary Bulgarian. Syntax], Nauka i izkustvo, Sofia, Bulgaria. (In Bulgarian)

Popov, K. (1978). Structural, semantic and functional features of the appositionive (prilozhenieto) in Bulgarian and Serbo-Croatian, *Slavyanska filologia*, XV, UI Sv. Kliment Ohridski, 207–218. (In Bulgarian)

Puleha, I. R. (1999). Apposition in modern English, Ph.D. Thesis, Saint Petersburg, Russia. (In Russian)

Radeva, P. (2015). *Zapiski po sintaksis na savremennia bulgarski knizhoven ezik. Slovosachetanie i prosto izrechenie* [Notes on the syntax of the contemporary Bulgarian literary language. Word combination and simple sentence], UI Sv. sv. Kiril i Metodiy, V. Tarnovo, Bulgaria. (In Bulgarian)

Raspopov, I. P. (1966). On the types and mechanisms of constructive-syntactic links between words, *Russkij jazyk v natsional'nom shkole*, 6, 3–11. (In Russian)

Raspopov, I. P. (1967). On syntactic detachment, *Russkij jazyk v shkole*, 4, 102–107. (In Russian)

Rozenal', D. Je., Telenkova, M. A. (1976). *Slovar'-spravochnik lingvistichestkih terminov*

[Dictionary-reference book on linguistic terms], Prosveshhenie, Moscow, Russia. (In Russian)

Rusinov, R. (2000). *Prakticheska stilistika* [Practical stylistics], Abagar, V. Tarnovo, Bulgaria. (In Bulgarian)

Savova, Iv., Dobрева, Sn. (2016). *Balgarski sintaksis. Uchebno pomagalo za studenti* [Bulgarian syntax. A handbook for university students], Faber, V. Tarnovo, Bulgaria. (In Bulgarian)

Teodorov-Balan, Al. (1940). *Nova bulgarska gramatika* [New Bulgarian grammar], T. F. Chipev, Sofia, Bulgaria. (In Bulgarian)

Chesnokova, L. D. (1988). Primary and secondary syntactic functions of word forms (noun, adjective, verb, adverb), *Sistemno-funktsional'noe opisanie slovosochetaniya i prostogo predlozheniya. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*, 16–27. (In Russian)

Chudomir (1981). *Sachinenia v tri toma* [Selected works in three volumes], Balgarski pisatel, Sofia, Bulgaria. (In Bulgarian)

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Anton Veselinov Getsov, Lecturer, PhD, Full Professor, Faculty of Modern Languages, St Cyril and St Methodius University of Veliko Tarnovo.